

***

Линь Ци по-настоящему рассмеялся только поздно вечером, после окончания дополнительных занятий. Гэ Цзяньцзюнь, завидев его идущим рядом с Мэн Хуэем, бросился наутёк быстрее зайца, едва не кувыркаясь на бегу. Его жёлтая шевелюра растрепалась на ветру, являя собой жалкое зрелище.

Глядя на паническое бегство хулигана, Линь Ци весело смеялся, так что его глаза превратились в узкие щёлочки.

Мэн Хуэй впервые видел его таким. Подобной чистой, незамутнённой радости он ни разу не замечал у Линь Ци из прошлой жизни. Даже в день, когда их совместная компания вышла на биржу и они звонили в колокол, Линь Ци лишь сдержанно изогнул губы, поднимая хрустальный бокал и произнося вежливое «Cheers».

Глядя на смеющегося юношу, который едва удерживал в руках школьный ранец, Мэн Хуэй подумал, что его прошлая жизнь была чертовски провальной.

***

— Тук-тук.

Раздался стук. Линь Ци обернулся — Линь Юээ уже вошла в комнату. Вид у неё был довольно серьёзный.

— Цици, мама хочет с тобой поговорить.

— Мам, говори, — Линь Ци поспешно отложил ручку и выпрямился, глядя на неё.

Он уже настолько вжился в роль, что обращение к Линь Юээ «мама» больше не вызывало у него ни малейшей неловкости. Послушный и разумный сын всегда был её главной гордостью. Она работала продавцом в универмаге, смены постоянно чередовались, и времени на воспитание Линь Ци оставалось немного. К счастью, тот всегда был благоразумным и не доставлял хлопот ни в учёбе, ни в быту.

— Цици, скажи маме честно, ты в последнее время не связался с какой-нибудь дурной компанией? — с тревогой спросила она.

Линь Ци удивлённо расширил глаза.

Увидев его реакцию, Линь Юээ почувствовала, как сердце у неё ухнуло в самую бездну. Её лицо помрачнело.

— Немедленно прекрати общение с этим парнем.

Раз уж мать упомянула парня, Линь Ци был на сто процентов уверен, что речь о Мэн Хуэе.

В прошлой жизни тот на данном этапе должен был слоняться по улицам и вымогать деньги, но после перерождения он уже месяц прилежно ходил в школу. Пусть его и нельзя было назвать образцовым учеником, но со словом «плохой» он точно не ассоциировался.

«Хотя иногда он бывает по-настоящему вредным, — Линь Ци вспомнил, как Мэн Хуэй то и дело подтрунивает над ним, и его зубы невольно заскрипели от досады».

Успокоившись, он ответил:

— Я не дружу с плохими учениками.

— Тётушка Чжао с верхнего этажа уже несколько раз видела, как ты возвращаешься домой с каким-то подозрительным типом, — взволнованно возразила Линь Юээ. — Стрижка у него короткая, как у зека. Скажи правду, он что, сидел в колонии?

Линь Ци едва сдержал смешок.

— Мам, правда, нет, — устало вздохнул он. — Это мой новый одноклассник. Учитель Чжан поручил мне, как старосте, подтянуть его. Нам по пути, вот мы и ходим вместе.

Линь Юээ всё ещё сомневалась.

— Раз вы до самого дома идёте вместе, пригласи его как-нибудь к нам, я хочу с ним познакомиться. Раньше я не слышала, чтобы у тебя были друзья.

Лицо Линь Ци слегка померкло. Мать говорила, что беспокоится о нём, но на самом деле она была настолько поглощена собственными бедами, что не только не знала о его друзьях, но даже не замечала, что его ранец давно порвался.

После того как месяц назад отчим ушёл из дома, он больше с ними не жил. Сунь Чунхай лишь изредка заявлялся, устраивал погромы, забирал деньги и снова исчезал. Линь Юээ часто плакала украдкой, а Линь Ци не знал, как её утешить.

— Хорошо. Как только будет возможность, я приглашу его.

— Умница, — лицо матери смягчилось. — Мне пора в ночную смену. Сделай уроки и ложись спать пораньше. Закрой все двери и окна.

Линь Ци кивнул, провожая её взглядом.

Ей не было и сорока, а в тёмных волосах уже отчётливо виднелась седина. Судьба никогда не была к ней благосклонна. Юноша вздохнул.

— Система, я могу изменить судьбу Линь Юээ? — тихо спросил он.

Система не ответила.

Линь Ци потянулся к выключателю настольной лампы.

«Ему вдруг стало смешно от самого себя. Он не может распоряжаться даже собственной судьбой в малом мире, так как он может рассуждать о помощи другим в изменении их судеб?»

***

Под стрекот цикад вдоль дороги у школы выстроились торговцы, ожидая окончания вечерних занятий.

Вскоре прозвенел звонок. Ворота распахнулись, и на улицу хлынул шумный поток велосипедистов, оживив душный летний вечер. В воздухе разлились дразнящие ароматы: шашлычки, жареный рис, яичные блинчики, мороженое. Сладкие, солёные и острые запахи сплетались в соблазнительную сеть. Слышалось шипение мяса, хлопок зажигаемого газа, но громче всего звучал весёлый смех подростков.

Линь Ци, держа в руке сосиску на гриле, с тоской произнёс:

— Я уже на несколько килограммов поправился.

— Не преувеличивай, — Мэн Хуэй наклонился к ящику-холодильнику, выбрал ванильное мороженое, которое любил Линь Ци, заплатил и протянул ему. — Держи.

Тот мгновение колебался, но всё же принял угощение. Летний вечер, горячая сосиска и холодное мороженое — это было почти райское наслаждение.

Они выбрались из толпы и направились к дому. Мороженое таяло быстро, рук на всё не хватало, поэтому Линь Ци в три укуса расправился с обжигающей сосиской и, облизав жирные губы, принялся спасать тающее лакомство.

Мэн Хуэй нёс его порванный ранец и неторопливо шёл по уже знакомой дороге, время от времени бросая взгляды на спутника. Линь Ци ел очень сосредоточенно: бледно-розовый кончик языка скользил от основания к верхушке, словно юноша выполнял тончайшую инженерную работу. В его больших глазах отражались чистые звёзды.

Мэн Хуэй почувствовал жажду.

Он должен был признать: и в восемнадцать, и в двадцать восемь лет при виде Линь Ци его мозг наполнялся непристойными мыслями, которые непрерывным потоком лились из одного полушария в другое, а может, и куда-то ещё.

— Вкусно? — спокойно спросил он.

Линь Ци настороженно втянул в себя остатки тающего крема.

— Что?

— Дай попробовать, — сказал Мэн Хуэй, делая вид, что собирается придвинуться ближе.

Юноша быстро отвернулся.

— Ты... хочешь — сам себе купи.

Мэн Хуэй наклонился к нему. Ночной ветер зашуршал в его старой школьной форме, словно стая вспорхнувших голубей, а длинная тень полностью накрыла Линь Ци.

— Разве не я его купил? — с улыбкой спросил он.

Линь Ци смущённо покраснел. Хотя именно Мэн Хуэй потащил его за едой и сопротивляться было невозможно, но увлёкся уличными перекусами именно он.

— Я отдам тебе деньги, — Линь Ци порылся в кармане, достал три монетки и сунул их в руку спутника. — На, иди купи.

Монетки были липкими. Мэн Хуэй сжал их в кулаке, убрал в карман и лениво протянул:

— Как ты разговариваешь со своим Братом Хуэем?

Юноша лизнул тающее мороженое.

«Опять началось», — подумал он.

Смирившись, Линь Ци пробормотал:

— Тогда, Брат Хуэй, мне вернуться и купить?

Мэн Хуэй снова зашагал вперёд.

— Сегодня не нужно. Завтра выходной, угостишь меня обедом.

Лицо Линь Ци выразило явное нежелание, но тут он вспомнил о просьбе матери.

— Хорошо, — в его голове мелькнула идея. — Как насчёт того, чтобы завтра пообедать у меня дома?

Мэн Хуэй на мгновение замер. Его губы тронула лёгкая улыбка, а в пронзительных глазах зажёгся тёплый свет.

— Так быстро знакомимся с родителями?

— ...

— Опять молчишь?

— Нет...

Мэн Хуэй снова обнял его за плечи. Первой реакцией Линь Ци было запихнуть остатки мороженого в рот целиком. В результате он начал шипеть и морщиться, словно обжёгся, а его утончённые черты лица съжились.

Мэн Хуэй рассмеялся. Ему отчаянно хотелось поддаться порыву и притянуть этого живого, настоящего Линь Ци к себе, крепко поцеловать в щёку и признаться, как сильно он его любит.

Но он позволил себе эту вольность лишь в воображении, просто взъерошив волосы парня.

— Я не ем лук, имбирь и кинзу.

«А у него хватает наглости выдвигать требования», — подумал Линь Ци, проглатывая последний кусок мороженого и глухо промычав в ответ: «О».

Проводив его до подъезда, Мэн Хуэй не стал подниматься. Он уже несколько раз сталкивался с той женщиной с завивкой, и каждый раз она смотрела на него с подозрением. Чтобы не создавать другу проблем, он попрощался внизу.

— Я пошёл. Завтра в обед буду.

— Пока, — вяло ответил Линь Ци, думая о том, когда же закончится этот день.

Если посчитать, то до того, как его собьёт машина, оставалось ещё десять лет. Десять лет — это слишком долго.

— Хочешь, чтобы тебя сбила машина? — холодно спросила Система.

Линь Ци вздрогнул.

— Как ты вдруг вернулась?

Система проигнорировала его вопрос.

— Ты понимаешь, что сейчас пассивно выполняешь задание?

Линь Ци не мог возразить. О стопроцентном уровне почернения Мэн Хуэя он даже не думал, а «растопить его сердце любовью», как в случае с Ду Чэнъином, он тем более не мог. От таких мыслей возникало ощущение, будто он занимается чем-то из сферы особых услуг.

«Разве что братской любовью... Наверное», — подумал он.

Собравшись с духом, Линь Ци попытался оправдаться:

— Мэн Хуэй сейчас ходит в школу, это ведь тоже можно считать изменением к лучшему.

— Я уже предупреждал тебя в прошлом мире: внимательно следи за персонажами, — холодно возразила Система. — Мэн Хуэй — сирота. Он пошёл в школу, но где он живёт? На что он существует? Ты что-нибудь об этом знаешь?

Вопросы обрушились на него как ушат холодной воды.

— Сколько ещё ты собираешься убежать?

Лампочка в подъезде нервно мигала. Линь Ци, прижимая к себе старый ранец, стоял

неподвижно. Его душа, казалось, покинула тело и унеслась на далёкий берег моря. Солёный ветер трепал длинные чёрные волосы и широкие одежды того человека. Он обернулся и улыбнулся, и в его глубоких глазах был только он один.

— Система, я хочу знать, что сейчас с Ду Чэнъином, — прошептал Линь Ци.

— Невозможно. Считай, что он умер, — отрезала Система.

Линь Ци крепче сжал ранец. Дыхание стало прерывистым. Лишь спустя долгое время ему удалось успокоиться.

— Система... я правда больше никогда не увижу Ду Чэнъина?

— Да, — без малейшего промедления ответила та. — Так что тебе лучше поскорее его забыть.

— Я понял, — медленно произнёс юноша.

Система решила, что он смирился, но Линь Ци, открыв дверь и убедившись, что дома никого нет, бросился в свою комнату, швырнул ранец и, упав на кровать, разрыдался.

Система: «...»

«Теперь я жалею об этом, очень сильно жалею», — подумала она.

— Прекрати реветь... — процедила она сквозь зубы.

Линь Ци всхлипывал, икая.

— Мои... ик... слёзы тебе мешают? Катись... ик... смотреть свои фильмы... у-у-у...

«Он действительно обнаглел, раз посмел велеть мне катиться?!» — возмутилась Система.

Похоже, маленький синтетик с баффом «мёртвого мужа» с каждым днём становился всё более дерзким. Нельзя его больше провоцировать.

— Что сделано, то сделано. Твои слёзы ничего не изменят, перестань об этом думать, — скрепя сердце, попыталась утешить его Система. — Если ты и дальше будешь так бездействовать, то не выполнишь задание. Разве ты не опозоришь всех синтетиков?

Эти слова задели Линь Ци за живое. Как единственный синтетик, успешно ставший

координатором, он всегда гордился собой.

— Я буду стараться, — он вытер слёзы и, шмыгая носом, тихо добавил: — Но я не хочу его забывать.

— Ладно-ладно, как хочешь, — небрежно бросила Система.

Линь Ци моргнул, сдерживая слёзы, и снова уткнулся лицом в руки.

***

Линь Юээ не вернулась ни ночью, ни на следующий день. Линь Ци позвонил ей в универмаг. Она сказала, что подменяет коллегу и вернётся только вечером.

Он хотел рассказать ей о Мэн Хуэе, но, услышав это, проглотил слова.

— Мам, ты, наверное, очень устала.

— Ничего страшного. На обед купи себе внизу вонтонов. В тумбочке для обуви есть синяя коробка из-под печенья, там мелочь, поищи.

— Хорошо, — Линь Ци повесил трубку, решив, что угостит Мэн Хуэя вонтонами, когда тот придёт.

Ближе к полудню у двери послышался шум. Линь Ци вышел из комнаты, но на пороге стоял его отчим, Сунь Чунхай. Растрёпанный, с налитыми кровью глазами — явные следы похмелья. Увидев Линь Ци, он рявкнул:

— Где твоя мать?!

— Мама ушла по делам, — ответил юноша, не упоминая работу, боясь, что отчим отправится туда и устроит скандал.

Сунь Чунхай, не обращая на него внимания, принялся бесцеремонно рыться в вещах. Он перевернул всё под журнальным столиком, в холодильнике, в тумбе под телевизором, затем ворвался в спальню. Через некоторое время он вышел оттуда с заметно оттопыренным карманом.

— Стерва, в бельё спрятала.

Завершив свой набег, Сунь Чунхай прихватил из холодильника две бутылки молока и,

пошатываясь, направился к выходу. У двери он наткнулся на высокую фигуру и отпрянул.

— Бля, кто это?!

Мэн Хуэй опустил взгляд на пропахшего перегаром мужчину. Он молчал, его лицо оставалось бесстрастным. Коротко стриженные волосы выделялись даже в полумраке подъезда. Он просто стоял, и ещё до того, как можно было разглядеть его черты, становилось ясно — с этим парнем лучше не связываться.

Сунь Чунхай инстинктивно почуял опасность. Не обращая внимания на то, что за спиной его дом и пасынок, он боком протиснулся мимо Мэн Хуэя и почти бегом скрылся внизу.

— Ты пришёл... — тихо сказал Линь Ци, стоя в дверях комнаты. — Извини, дома некому готовить. Может, съедим внизу по тарелке вонтонов? Я угощаю.

Мэн Хуэй вошёл, закрыл за собой дверь и босиком подошёл к юноше. Он несколько мгновений молча смотрел на него, а затем тихо произнёс:

— Глаза опухли.

Линь Ци неловко потёр веки.

— Плохо спал ночью.

Мэн Хуэй поднял руку, взъерошил его волосы, а затем внезапно наклонился к самому его уху и прошептал:

— Хочешь, я заставлю его исчезнуть?